

ВЛ. МАЯКОВСКИЙ

СОЛНЦЕ

ПОЭМА

„К Р У Г“
МОСКВА — ПЕТЕРБУРГ
1923

Отпечатано в типографии
„Мысль Печатника“
(13-я „Мосполиграф“)
в количестве 5.000 экзempl.
— Главлит № 9425. —

Обложка и рисунки работы
художника М. Ларионова.

Необычайнейшее...

...

при
ключе
ние, быв
шее со мн
ой, с Влади
миром Владими
ровичем Маяковск
им, на даче,—станция
Пушкино, Акулова гора,
дом Румянцевой, 27 верст
от Москвы, по Ярославской ж. д.

В 140 солнц закат пылал.
В июль катилось лето.
Была жара.
Жара плыла.
На даче было это.
Пригорок Пушкино горбил
Акуловой горою,
а низ горы —
деревней был
кривился крыш корою.

А за деревнею —
дыра.
И в ту дыру
наверно
спускалось солнце каждый раз,
медленно и верно.
А утром
снова
мир залить
вставало солнце ало.
И день за днем
ужасно злить
меня
вот это
стало.
И так однажды разозлясь,
что в гневе все поблекло, —
в упор, я крикнул солнцу: —
„Слазь!
Довольно шлаться в пекло.“ —
Я крикнул солнцу: —
Дармояд!
Занежен в облака ты.

А тут —
Не знай
Ни зим,
Ни лет —
Сиди
Рисуй плакаты."
Реву я солнцу:
„Погоди!
Послушай, златолобо,
Чем так,
Без дела заходить,
Ко мне
На чай зашло бы!"

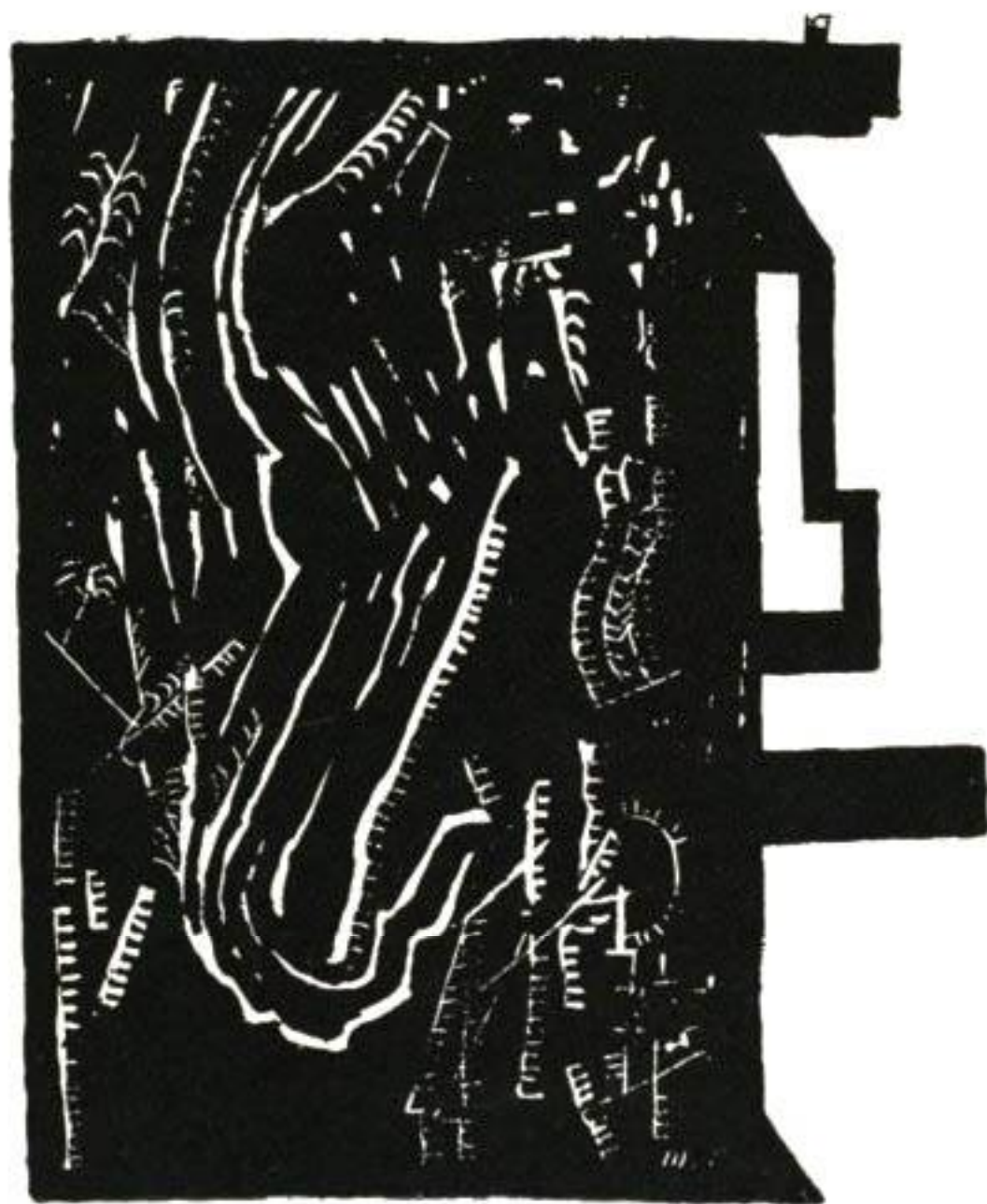

ЗАМАНОВ КОМАНЕ..

Что я наделал?!
Я погиб!
Ко мне
по доброй воле
само,
расставив луч-шаги,
шагает солнце в поле.
Хочу испуг не показать
и ретируюсь задом.

Уже в саду его глаза.
Уже пролезло садом.
В окошки,
в двери,
в щель войдя,
валилась солнца масса.
Ввалилось.
Дух переводя,
заговорило басом:

„Гоню
обратно
я
огни —
впервые с сотворенья.
Ты звал меня?
Чай гони!
Гони, поэт, варенье!“
Чорт дернул
дерзости мои
орать ему.
Сконфужен,
я сел
на уголок скамьи,
боюсь —
не вышло б хуже.
Но странная
из солнца
ясь
струилась.
И степенность
забыв,
сизжу, разговорясь
с светилом постепенно.
Про то,
про это говорю,
что—де-заела Роста.

А солнце:
„Ладно,
не горюй.
Смотри на вещи просто.
А мне,
ты думаешь,
светить
легко?
Поди!
Попробуй!
Но все ж идешь.
Взялось идти.
Идешь
и светишь в оба.“
Болтали так до темноты.
До бывшей ночи то-есть.
Какая тьма уж тут!
На ты
мы с ним, совсем освоюсь.
И скоро,
дружбу не тая,
бью по плечу его я.
А солнце тоже:
„Ты да я —
ведь нас, товарищ, -- двое.
Пойдем, поэт,

взорим,
вспоем
у мира в сером хламе.
Я буду солнце лить свое,
а ты
свое
стихами.
Стена теней,
ночей тюрьма
под солнц двустволкой пала.
Лучей и света кутерьма,
сияй во что попало.
Устанет-то
и хочет ночь
прилечь,
тупая сонница!
Вдруг я
во всю светаю мочь
и снова день трезвонится.“
Светить всегда,
светить везде, —
до дней последних донца.
Светить —
и никаких гвоздей! —
вот лозунг мой
и солнца.

